

5. Маслова В.А. Современные направления в лингвистике. - М. : Издательский центр «Академия», 2008. – 272 с.
6. Полное академическое собрание сочинений и писем в 30 тт., М.: Наука, 1974-1983. Письма, тт. 8-12.
7. Селиванова Е.А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации: Монографическое учебное пособие. – К. – ЦУЛ, «Фитосоциоцентр», 2002. – 336 с.
8. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 4 - Спб., 1909. – 853 с.
9. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона: Т. XV (29) — С.-Пб. : Брокгауз-Ефрон. 1890—1907. – 489 с.

Величко Н.В. Лінгвоконцептологічний аналіз фрейму КЛІМАТ у листах А.П. Чехова. У статті представлені результати лінгвокогнітивного і дискурсивного аналізу мовної реалізації базового фрейму ПРИРОДА в мовній свідомості А.П.Чехова за листами кримського періоду.

Ключові слова: лінгвокогнітивний і дискурсивний аналіз, фрейм

Velychko N. The lingvokontseptologicheskyy analysis of the frame CLIMATE in A.P.Chekhov's letters. In article deals with the results of the linguo-cognitive and discourse analysis of language realization of a frame CLIMATE in A.P.Chehov's letters are presented

Key words: linguo-cognitive and discourse analysis, frame.

Вильчинская А.Г.

*Национальный педагогический университет
имени М.П. Драгоманова*

РАЗВЕТВЛЁННЫЕ МЕТАФОРЫ В ПРОЗЕ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ОЧЕРКА «ПУШКИН И ПУГАЧЁВ»)

Статья посвящена анализу использования разветвлённых метафор в прозе М.И. Цветаевой. Охарактеризованы тропы, осложняющие метафоры. Рассмотрены яркие примеры.

Ключевые слова: разветвлённая метафора, проза, анафора, градация, олицетворение, сравнение, образ.

Существует несколько классификаций, представляющих структуру языковых метафор (М. Блэк, Дж. Миллер, А. Ричардс, В.П.

Москвин). В силу огромных отличий между двумя видами анализируемого тропа, данные классификации не могут быть применены по отношению к *художественным* метафорам. Нам ближе классификация Л.П. Ивановой, согласно которой метафоры могут быть простыми, сложными и разветвлёнными. Наш выбор обусловлен тем, что указанная классификация базируется на механизме возникновения ассоциаций – ключевом факторе при толковании метафор, так как именно в ассоциациях заключён опыт человека. Отражая индивидуальный опыт о мире, метафора как самый личный вид тропа выступает основной мировоззренческой категорией, фундаментальным средством, помогающим понимать действительность. Разветвлённая метафора – метафора простая или сложная усложняется сравнением, метонимией, эпитетом, параллелизмом или каким-либо другим тропом [2, с. 71].

Очерк «Пушкин и Пугачёв» является одним из самых значительных творений, входящих в цикл произведений о А.С. Пушкине, так называемой Пушкинианы Марины Цветаевой («Стихи к Пушкину», «Мой Пушкин»). Бесконечное восхищение гением, глубокий литературоведческий и философский анализ – отнюдь не всё, чем ограничивается значимость данной работы. Система художественных метафор, которыми богата речь М.И. Цветаевой, служит доказательством того, что в прозе может быть представлена череда ярчайших образов, если её автор – поэт. «Воспоминания поэта о детстве <...> само по себе – чистая лирика», – писала М.И. Цветаева [8, с. 882].

Рассмотрим несколько примеров разветвлённых метафор, представленных в очерке.

(Есть книги настолько живые, но все боишься, что, пока не читал, она уже изменилась, как река — сменилась, пока жил — тоже жила, как река — шла и ушла. Никто дважды не вступал в ту же реку. А вступал ли кто дважды в ту же книгу?) [8, с. 1147].

Метафора *живые книги* осложнена сравнением (как река) и олицетворением (жила, ушла). Согласно учению А.А. Потемни, связь метафоры и сравнения может быть либо прогрессивной, либо регрессивной. В данном случае мы сталкиваемся с регрессивным слиянием образа и значения, так как образ книги вызывает сравнение с рекой. Указанная метафора *живые книги* является словосочетанием, в котором основа образа выражена адъективом, что в прозе М.И. Цветаевой встречается не часто (как правило, фокус метафоры

выражен субстантивом). Сравнение и олицетворение не просто дополняют образ, а делают метафоричным предложение в целом.

М.И. Цветаева обладала образным мышлением и широкими познаниями в самых разных областях науки и искусства. Широта эрудиции этого поэта проявилась в использовании различных прецедентных феноменов. В очерке «Пушкин и Пугачёв» встречаем такие прецедентные тексты: стихотворение А. Блока «О, нет! не расколдуешь сердца ть», «Теннис» О. Мандельштама, «К морю» и «Пир во время чумы» А.С. Пушкина, прецедентные имена (Екатерина II, Николай I, Саул и Давид, Байрон, Гёте, Диккенс, Мцыри, Дон-Кихот) и прецедентные ситуации (восстание декабристов, гибель А.С. Пушкина). В данном примере мы сталкиваемся с прецедентным текстом – афоризмом философа Гераклита: «Нельзя дважды вступить в одну и ту же реку». В.А. Маслова, анализируя главным образом поэзию, отмечала, что «природа в творчестве М.И. Цветаевой почти не изображалась», за исключением многочисленных описаний деревьев, леса [4, с. 200]. Однако в прозе этого автора часто встречаем образ воды (море, дождь, волна), а образ реки становится у неё символом динамики, изменчивости: «Поэта-лирика, как и море, даже если его книгу раскрываешь в первый раз, непременно перечитываешь, в то время как реку, что течёт вдаль, как и Пушкина, что идёт вдаль, даже если ты родился на их берегах, всегда читаешь дальше» [8, с. 523]. Образ движения передаётся также при помощи синтаксического оформления данного сложного предложения – все сказуемые отделены тире. Мысль у М.И. Цветаевой заключена в скобки, но это не позволяет нам отнести данный набор предложений к разряду вставных конструкций. Скобки здесь использованы для выражения отвлечённости мысли от центрального повествования, неожиданность примера.

Н.Д. Арутюнова в известной работе «Метафора и дискурс» отмечает: «Классическая метафора – это вторжение синтеза в зону анализа, представления (образа) в зону понятия, воображения в зону интеллекта, единичного в зону общего, индивидуальности в страну классов» [1, с. 19]. В творчестве М.И. Цветаевой часто встречаем подтверждения того, что личности людей или персонажей, к которым автор испытывал симпатию, а также тех, кого она очень хорошо знала, виделись ей в виде совокупности ипостасей или ролей. О себе она писала: «Прозаик ревнует меня к поэту и обратно» [7, с. 393]. Когда мы читаем у неё о А.С. Пушкине,

это и человек, и поэт, и книга, и памятник, и царь, и ребёнок. Собирательный образ поэта помимо этих обретает дополнительные значения — боец, акробат. Часто эти характеристики противопоставляются друг другу. Таким образом, базой для возникновения метафор служит огромное количество коннотаций, относящихся к одному денотату. Проиллюстрируем это с помощью очередного примера.

Очная ставка, внутри Пугачёва, самовласть с собственным влечением сердца. Очная ставка, внутри Гринёва, влечения человеческого с долгом воинским. Очная ставка Долга — и Бунта, Присяги — и Разбоя, и — гениальный контраст: в Пугачёве, разбойнике, одолевает человек, в Гринёве, ребёнке, одолевает воин [8, с. 1149].

В данном отрывке представлена цепь субстантивных метафор, осложнённых олицетворением, лексической анафорой и градацией. *Очная ставка* — юридический термин, неожиданно возникший в художественном тексте. В этом отрывке он призван указать на справедливость того, что именно то, а не иное чувство берёт верх в каждом герое. Данное словосочетание включает образы встречи и даже борьбы, однако побеждает не просто сильный, а истинный. В первом случае олицетворяются чувства, во втором — явления, в третьем — социальные роли и статусы. *Очная ставка, внутри Пугачёва, самовласть с собственным влечением сердца. Очная ставка, внутри Гринёва, влечения человеческого с долгом воинским.* В данном случае видим разновидность чувств: у Пугачёва они свои, он может ими управлять (*самовласть, собственное влечение*), у Гринёва же противостояние, казалось бы, посторонних чувств, одно из которых ему необходимо выбрать.

М. Цветаева расставляет акценты, создавая конструкцию, в которой адъектив следует за субстантивом (*влечения человеческого с долгом воинским*), чтобы выделить характер, первооснову переживаний, где доминантой является согласованное определение *воинский*, т.е. то, что для офицера важнее человеческих переживаний и обязательств. Таким образом, в данном примере фамилии *Пугачёв* и *Гринёв* кажутся просто пространством, в котором пересекаются чувства, олицетворение которых отождествляется с личностью, тем самым создавая метафору.

Очная ставка Долга — и Бунта, Присяги — и Разбоя. В данной субстантивной метафоре, выполняющей в предложении роль

косвенного дополнения, автор демонстрирует конфликт явлений, каждое из которых обладало мелиоративной, т.е. положительной характеристикой в его понимании: «Но есть еще одно, кроме чары, физической чары над Пушкиным — Пугачёва: страсть всякого поэта к мятежу, к мятежу, олицетворённому одним». В том же очерке: «Нет страсти к преступившему — не поэт» [8, с. 1153]. Вероятно по этой причине лексемы Долг, Бунт, Присяга, Разбой написаны заглавными буквами. Это не только показатель олицетворения, словно дана встреча четырёх людей, но и знак одобрения каждого из понятий. М.И. Цветаева выступает здесь не судьёй, отдающим предпочтение чему-либо, а наблюдателем, которому просто интересно, чем закончится бой. Таким образом, с точки зрения лексики, перед нами две антонимические пары, даже визуально отделённые посредством тире, но в авторском понимании они не разделены по принципу «положительный – отрицательный».

В Пугачёве, разбойнике, одолевает человек, в Гринёве, ребёнке, одолевает воин.

Метафора выражена сложным предложением с двумя грамматическими основами. Вновь каждый герой предстаёт в виде совокупности ролей. Словарь Д.Н. Ушакова даёт четыре толкования слова одолеть: 1. Одержатъ победу. 2. Целиком подчинить себе. 3. Пересилить себя. 4. Овладеть ч.-н. [6, с. 590]. В данном случае нам кажется более приемлемым первое толкование. В первой части (*В Пугачёве, разбойнике, одолевает человек*) речь о том, что в герое пробудилось нравственное начало (*человек* здесь – «обладатель лучших моральных и нравственных свойств» [там же, с. 1178]). Лексемы *Пугачёв* и *разбойник* – тождественны по смыслу, тогда как *человек*, внезапно оказывается более узким понятием. Во второй части (*в Гринёве, ребёнке, одолевает воин*) перед нами алогизм, так как в нашем сознании характеристики ребёнок и воин не могут относиться к одному человеку одновременно. Объяснение таких неожиданных коннотаций позже дала сама М.И. Цветаева, когда писала о Гринёве: «Дав вначале тип, Пушкин в молниеносной постепенности даёт нам личность, исключение, себя» [8, с. 1151]. Если согласиться с тем, что Пушкин в какой-то мере через образ Гринёва передаёт своё личное отношение к Пугачёву, можно понять такое разительное сопоставление – ребёнок и воин, так как А.С. Пушкин в представлении М.И. Цветаевой, как мы уже сказали выше, был в первую очередь поэтом, в котором соединялось, сливалось

множество стихий и множество образов. В данном метафорическом предложении *Пугачёв* и *Гринёв* — это обстоятельства места, выраженные именем существительным в Предложном падеже. Таким образом, имена собственные играют подчас менее значительную роль по сравнению с ассоциациями, которые вызывают.

В наследии А.С. Пушкина Пугачёв был явлен в «Капитанской дочке» и в «Истории Пугачёвского бунта». Не удивительно, что очерк «Пушкин и Пугачёв» посвящён обоим произведениям. Подобно тому, как отличаются образы одного и того же человека у А.С. Пушкина, отличается и отношение к ним М.И. Цветаевой («Как Пугачёвым «Капитанской дочки» нельзя не зачароваться — так от Пугачёва «Пугачёвского бунта» нельзя не отвратиться» [8, с. 1156]). Первая часть очерка насыщена художественными средствами, экспрессией, яркими метафорами, тогда как вторая превращается практически в детальный пересказ текста «Истории Пугачёвского бунта».

Большинство индивидуально-авторских метафор М.И. Цветаевой являются метафорами широкого контекста (термин А.К. Авеличева), т.е. их смысл неясен без предварительного знакомства с произведением (*белорыбица* (о Екатерине II), *сновиденная книга* и др.). Это не касается простых метафор, вызывающих одну ассоциацию. Количество их в прозе М.И. Цветаевой не велико, анализируемый очерк не является исключением. Для толкования данного типа метафор достаточно знать систему общепринятых ассоциаций (*волчья любовь, напоить снег кровью, ключ к душе*). Сложных метафор, вызывающих несколько ассоциаций, в данном очерке нами не найдено, так как большинство из них даются вместе с целым рядом художественных средств. Разветвлённые метафоры осложняются градацией, параллелизмом, анафорой, гиперболой. Иногда метафоры создаются посредством окказионализмов, образованных префиксальным способом либо сложением основ или частей слов (становится *сосуще-скучно, едино-любивому* злодею, в *недетстве*).

М.И. Цветаева писала: «Был Пушкин — поэтом. И нигде он им не был с такой силой, как в «классической» прозе «Капитанской дочки» [8, с. 1156]. На наш взгляд, эти слова не только справедливы, но и в полной мере подходят самой М.И. Цветаевой. Обилие метафор и богатство языковых средств, при помощи которых она создавала свои статьи и очерки, не позволяют нам усомниться в том, что проза может быть насыщена не менее яркими образами, чем поэзия.

Литература:

1. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс / Теория метафоры: Сборник: Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; Общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. — М.: Прогресс, 1990. — 512 с.
2. Иванова Л.П. Отображение языковой картины мира автора в художественном тексте (на материале романа А.С. Пушкина “Евгений Онегин”): Учебное пособие к спецкурсу. — 2-е изд. доп. — К.: Освита України, 2006. — 140 с.
3. Красных В.В. Этнопсихолінгвістика і лінгвокультурологія: Курс лекцій. — М.: ИТДПК “Гнозис”, 2002. — 284 с.
4. Маслова В.А. Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой: Учебное пособие / В.А. Маслова. — М.: Флинта: Наука, 2004. — 256 с.
5. Потебня А.А. Эстетика и поэтика. — М.: Искусство, 1976. — 614 с.
6. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. — М.: “Альга-Принт”, ООО Издательство “ДОМ. XXI век.”, 2008. — VIII, 1239 с.
7. Цветаева М.И. Об искусстве. — М.: Искусство, 1991. — 479 с.
8. Цветаева М.И. Полное собрание поэзии, прозы, драматургии в одном томе. — М.: Издательство АЛЬФА-КНИГА, 2008. — 1214 с.

Вільчинська А.Г. Розгалужена метафора в прозі М.І. Цветаєвої (на матеріалі нарисів «Пушкін і Пугачов»). Стаття присвячена аналізу використання розгалужених метафор в прозі М.І. Цветаєвої. Охарактеризовано тропи, ускладнюючі метафори. Розглянуті яскраві приклади.

Ключові слова: розгалужена метафора, проза, анафора, градація, уособлення, порівняння, образ.

Vilchynska A.G. Ramified metaphors in prose of M. Tsvetaeva (on material of essay «Pushkin and Pugachov»). The article is devoted the analysis of the use of ramified metaphors. Tropes, which are complicate metaphors, are described. Best examples were considered.

Keywords: ramified metaphors, prose, anaphora, gradation, personification, comparisons, character.